

идеал и продолжая неустанно его проповедывать, Максим Грек вместе с тем внимательно вскрывал отрицательные стороны современного стяжательного монашества. Говоря о вопиющем противоречии его жизни заветам Христа, обличитель почти не называет обличаемых, он редко говорит: «иноки», «игумены», «архимандриты» «епископы», он избирает отвлеченную форму: беседу ума с душой, диалог Филоктимона с Акимоном. «Душеполезная» проповедь монашеству неразрывно сливается с изображением основного зла тогдашнего монастырского уклада: эксплуатации крестьянской массы. Тяжелое положение монастырских крестьян рисуется определенными, красноречивыми чертами. Максим говорит о бедных поселянах, беспрестанно томимых «лихвами губительными»,¹ притесняемых налогами и «богомерскимъ рѣзоимствомъ».² Требуя процентов за ссуды, монахи бичуют крестьян: «бичи ихъ истязуютъ за лютыхъ сребра рѣзопманій»,³ а кто не может отдать, тех лишают свободы, записывают в рабство, или, отняв имущество у своих должников, выгоняют их из своих сел вместе с женой и детьми с пустыми руками. В различных местах в сходных выражениях Максим Грек не устает повторять одну и ту же печальную картину: «отдати же неимущихъ или свободы лишили ихъ и раби себѣ прочее писаша ихъ, или обнаживше ихъ имѣній ихъ, руками тощими, своихъ предѣлъ отгнаша бѣдныхъ».⁴ В другом слове еще выразительнее: «Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ».⁵ В третьем слове об этих страданиях «тружающихся» читаем еще подробнее: «Мы же не точію безчювственно и безмилостно къ той горцѣй ихъ скудости пребываемъ и ни единого утѣшенія ихъ сподобляемъ, да еще заповѣдь имуще милостивно прилежати о живущихъ въ убожествѣ и скудости житейскихъ потребахъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ истязаніи повселѣтними тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ, николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго; не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ въ принудцій годъ, оле безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ и отъ сво-

¹ Каз. изд., II, стр. 32.

² Ibid., II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 38.

⁴ Ibid., II, стр. 38.

⁵ Ibid., II, стр. 100.